

Сергей Сергеев-Лопухин

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Император Петр I
Царица Евдокия Федоровна
Императрица Екатерина I

Сергей Сергеев-Лопухин

Психологические портреты: Император Петр I. Царица Евдокия Федоровна. Императрица Екатерина I

«Издательство «Перо»

2026

УДК 159.923
ББК 63.3(2)511

Сергеев-Лопухин С.

Психологические портреты: Император Петр I. Царица Евдокия Федоровна. Императрица Екатерина I / С. Сергеев-Лопухин — «Издательство «Перо», 2026

ISBN 978-5-00289-294-5

Автор, используя психологический анализ, впервые составил психологические профили, портреты объектов исследования и ответил на целый ряд вопросов «почему». Почему Петр I жил в помещениях с низкими потолками, сидел на неудобных стульях, спал на короткой для своего роста кровати? Почему, имея 38-й размер ноги, носил ботфорты 45-го размера? Почему в десять лет у будущего царя закончилось системное образование и чем можно объяснить эпизоды откровенной трусости Петра? Почему появилась легенда, что из-за границы через полтора года вернулся не настоящий царь, а его двойник? А в чем настоящая причина развода Петра с первой женой и при чем здесь «кризис идентичности»? Чем была лучше для Петра Екатерина I- вторая жена, и только ли дело в секрете «приворотного зелья» - искусства любви, которым она владела? И еще множество «почему», на которые историки, опирающиеся на традиционные методики исторического анализа, не знали ответа. Книга предназначена для широкого круга читателей, увлекающихся историей и психологией, а также для специалистов пограничных областей знаний, желающих расширить горизонты своего познания. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.923
ББК 63.3(2)511

ISBN 978-5-00289-294-5

© Сергеев-Лопухин С., 2026
© «Издательство «Перо», 2026

Содержание

Предисловие – от историка 7
Предисловие – от психолога 10
От автора 11
I. Император Петр I 16
Введение 17
1. Психологический профиль. Радикалы 21
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Сергей Сергеев-Лопухин
Психологические портреты
Император Петр I. Царица Евдокия Федоровна. Императрица Екатерина I

© Сергей Сергеев-Лопухин, 2026

Предисловие – от историка

На мой взгляд, книга Сергея Сергеева-Лопухина развивает исключительно интересное направление в истории. И не только в истории как науке о прошлом, но и в истории как части массового сознания.

Как вообще полагается описывать правителей прошлого? Сидят такие на престоле и издают указы или ведут армии. С одной стороны, невелика роль личности в истории: главное не каким человеком были Петр I Алексеевич или Александр I Павлович, а чтобы сложилась «правильная» историческая необходимость. С другой стороны, все же интересно: как понимали современники эту самую «историческую необходимость»? Что вообще думали они про завоевание Прибалтики или про резание бород?

Но в целом это исследуют мало, о психологии людей прошлого пишут скупо. Представления человека, далекого от научной истории? Тут вообще мрак. Традиционно получается так, что правители вещают с высоты тронов, а мы смиренно взираем на них снизу. Правители могут быть мудры и велики, могут быть в чем-то ограничены, а то и вовсе «ошибаться», но в любом случае – вещают они из некого исторического поднебесья. Из разреженных пространств Высокой Политики, и голосами их гласит сама История.

Как выразился Алексей Константинович Толстой: «Не нам понять высоких мер, Творцом внушаемых вельможам».

И как-то утрачивается понимание: правители прошлого – не божества. И не с Марса они свалились. Россией правили самые обычные люди, мужчины и женщины.

На престол садился человек, который родился, рос и воспитывался, как все остальные люди. Зимний дворец был его домом, а летний дворец – дачей, на которой жила семья в теплое время года. Действующего правителя он называл не «его величеством» и не Императором, а папой… И не важно, произносил он это слово по-русски или с французским произношением, «papa» (с ударением на последней гласной) или называл отца немецким Vati.

Великолепно сказано у Марка Твена: когда несчастный принц узнает, что его отец скончался, «сердце осиротевшего ребенка больно сжималось; он весь дрожал. Для него это была тяжелая утрата, большое горе, потому что грозный, суровый, страшный для всех тиран с ним был всегда добр и нежен. В эту минуту мальчик чувствовал себя самым несчастным, самым покинутым и беспомощным из Божьих созданий».

И таков любой принц – он любит папу и маму точно так же, как сын купца, служилого человека или простолюдина.

Принц проходил свою школу учений, наказаний, жизненных встреч, приключений подростка и юноши, первых влюбленностей, очарований и разочарований. Как и все люди.

На примере этих людей хорошо видно, как воспитание накладывалось на характер и тип личности и что из этого получалось. В конце концов, и Анхаль-Цербская принцесса, и голштинский принц были подростками, с которыми обращались совершенно безобразно и притом очень жестоко.

Наследника трех престолов, будущего императора Петра III, грубость, хамское пренебрежение и розги сделали сломавшимся человеком, жаждавшим самоутверждения даже ценой вранья и жизни в выдуманном мире. Анхаль-Цербскую принцессу, прошедшую девичий вариант такой же примерно «школы», воспитание сделало смертельно опасной интриганкой, способной на самые мерзкие предательства, измены и преступления.

Принц и принцесса, царь и царица так же точно любили или не любили супругов, как купец или крестьянская женщина. Так же любили своих детей – любовью, естественной для всякого.

Когда Чоглокова по прямой просьбе Елизаветы объясняет великой княгине Екатерине, что во имя интересов государства для рождения наследника допустимо и наставить рога законному мужу, речи эти ведутся не с абстрактным инкубатором для производства наследников престола, а с человеческим существом. С молодой женщиной. И не всякая кинется отстаивать «интересы государства».

Когда Петр III Федорович собирается (по примеру дедушки) отправить жену в монастырь и жениться на Елизавете Воронцовой, это не только и не столько великое государственное деяние. Это еще и поступок разочарованного мужа – остается гадать, разочарованного женскими или человеческими качествами доставшегося ему чудовища. В конце концов, для государства не так и важно, какую фамилию носит правящая династия. Вот для человека на престоле это один из важнейших жизненных вопросов: какова его жена и чего достойна: императорских порфиров или просмоленной веревки.

Если даже сам наследник престола не совершал преступлений, старался избегать несправедливостей и гадких поступков, он жил в поле последствий, совершенных… ну, пусть на благо государства.

Действительно попробуйте прокатать на языке применить к самому себе примерно такой текст: «Бабушка ненавидела дедушку, и никто точно не знает, от дедушки она родила папу или от другого мужчины. В конце концов бабушка убила папу руками любовников, и опять же никто точно не знает, как совершилось это страшное дело. Бабушка обещала любовникам, что отдаст папе наследство, а сама станет правительницей, пока папа не вырастет. Но бабушка не отдала наследства папе; всю свою жизнь, до смерти бабушки, папа боялся, что его убьют. Прихлебатели бабушки всячески издевались над ним, а бабушка это одобряла. Такая судьба навсегда сломала характер папы и превратила его в невротика. Долгое время я думал, что бабушка отдаст наследство мне и брату, а папу прикончит. С детства я должен был лицемерить и врать, угождая бабушке и ее очередному любовнику… а они менялись постоянно».

Произнесли сей текст? Прониклись? А ведь все написанное – лишь краткая справка о судьбе Императора Александра I Павловича. О его бабушке, дедушке и об отце.

Но реально описывать правящих лиц у нас не принято – тем более, многие вещи не принято называть своими именами. Сколько снято фильмов, сколько пролито чернил, сколько издано книг, чтобы «доказать» любой ценой – Петр Первый имел все основания убить своего старшего сына. Екатерина II, если принимать всерьез бредни очередного сериала, сделалась благонравной и богомольной. Внебрачные дети Петра Первого рождались, надо полагать, от Духа Святаго, не иначе.

Другая крайность – мерзкие подглядывания в щелку, совершенно холуйские по духу живописания брачной ночи Петра и Евдокии, похабные выдумки о половой жизни Екатерины, грубые и глупые анекдоты.

Автор книги, к которой я пишу предисловие, справедливо вспоминает слова философа Эриха Юрьевича Соловьева: «Люди минувших эпох живы для нас благодаря особого рода общественной практике – мемориальной. Она обеспечивает постоянное присутствие прошлого в актуальном сознании и препятствует тому, чтобы мы его подменяли или сочиняли».

Он вносит важный вклад в эту общественную практику – пытается осмыслить прошлое с позиции наук, которые появились совсем недавно: клинической психологии и исторической психологии.

Цитирую автора: «Применяя выбранную методику определения психотипов и используя психологический анализ, ответим на целый ряд вопросов «почему?». Почему Петр I жил в помещениях с низкими потолками, сидел на неудобных стульях, спал на короткой для своего роста кровати? Почему, имея 38-й размер ноги, носил ботфорты 45-го размера? Почему в десять лет у будущего царя закончилось системное образование и чем можно объяснить эпизоды откровенной трусости Петра? И еще множество «почему?»».

Разумеется, книга вызовет, во-первых, несогласие со многими выводами автора. Но ведь перед нами – не истина в последней инстанции, а один из возможных взглядов на историю и ее деятелей.

Во-вторых, кто-то обязательно возмутится – как смеет автор говорить о шизоидном или эпилептоидном комплексе императоров?! Не переводятся люди, буквально обожествляющие правителей прошлого. Мало того, что они сами для себя установили этот режим обожествления, они требуют его и от других.

Так вот: автор не обязан просить разрешения думать так, как он думает. Он не обязан считать Петра Первого чем-то вроде боженьки. Сергеев-Лопухин имеет полное право пропагандировать свое видение истории и ее персонажей. Не нравится? Ну и не читай. Возмущен? Напиши опровержение.

Вообще же мемориальная практика больше всего нуждается не в «осуждении» великих людей и не в подглядывании за ними в замочную скважину. В той же степени она нуждается не в идеализации, тем более не в превращении в икону императоров, полководцев, государственных деятелей и их приближенных.

Мемориальная практика нуждается в понимании сложных переплетений обстоятельств как политической, так и частной жизни, в анализе деятелей прошлого как непростых, неоднозначных личностей, со своими проблемами, странностями, склонностями, заболеваниями.

Автор начал интереснейший разговор и, уже независимо от своего желания, начал развивать новое направление в понимании истории. Мне доводилось писать о психологических характеристиках Петра, и его жен, и Елизаветы Петровны, и Анны Ивановны, и Екатерины II.

Сергей Сергеев-Лопухин делает это системно. Уверен, это только начало такого направления в историографии – и художественных повествований, и профессионально-исторических исследований.

Буровский А. М. – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор

Предисловие – от психолога

Книга С. Сергеева-Лопухина «Психологические портреты. Император Петр I. Царица Евдокия Федоровна. Императрица Екатерина I» может считаться одной из выдающихся работ, посвященных психологическому анализу биографии и жизнедеятельности Петра I. Она ориентирована на широкую читательскую аудиторию. Книга также может выступать в качестве полноценного учебного пособия для курса «Психология характера». По своему стилю книга отличается простотой и легкостью прочтения. Изучение данной работы будет полезно как студентам-психологам, так и научным сотрудникам, а также всем любителям истории и характерологии.

Цель, которую поставил автор при написании данной книги, очевидна: опираясь на методику В. В. Пономаренко «7 радикалов», провести характерологический анализ личности Петра I, государя российского.

Петр I предстает как сложная личность, чьи действия определялись как личными особенностями, так и стремлением преобразовать Россию в современное государство. Однако его правление характеризуется радикальными реформами и жесткими методами их проведения.

Главные аспекты личности Петра I – это доминирующий психологический тип – эпилептоидный, определяющий основные черты его характера и поведения.

Автор дает описание физических особенностей Петра I (рост около 2 метров, нестандартная внешность, признаки возможных наследственных заболеваний), а также приводит ключевые характеристики личности (сильная воля и стремление к тотальному контролю, практичность во всем, функциональность мышления, трудоспособность феноменального уровня).

Необходимо отметить, что автор провел работу по анализу личностных качеств, позволяющих раскрыть личность российского императора; к ним относятся его ремесленнические навыки (освоил 14 профессий) и авторитарность в управлении. Кроме того, Петр I за годы своей жизни издал более 20 000 указов, принимал личное участие в реформах всех сфер, работал в различных ремеслах, вел активную военную деятельность и стремился к регламентации всех аспектов жизни.

Автор отмечает и противоречивость натуры изучаемого субъекта. Петр I сочетал реформаторские стремления с деспотизмом, практический ум с приступами агрессии, трудолюбие с периодами депрессии, умение ценить талант с жестокостью к противникам.

В главах, посвященных личности и характеру Петра I, автор проводит анализ причин развода Петра I с первой женой Евдокией Федоровной Лопухиной, включая психологический и исторический аспекты.

Книга написана в жанре психологического анализа биографии исторической личности и, несомненно, найдет своего читателя среди широкой публики.

Рецензент:
доцент кафедры педагогики и психологии
Академии гражданской защиты МЧС России
имени генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика,
заведующий кафедрой психологии Московского
гуманитарно-экономического университета,
кандидат психологических наук С. Н. Савинков

От автора

История – огонь, а не остывший пепел.
Пикуль Валентин Саввич, советский писатель, историк

Уважаемый читатель!

Если Вы перелистываете данное издание, можно предположить, что Вам, как минимум, любопытна, а как максимум – и не безразлична история государства Российского, и, уж совершенно точно, Вам приходилось читать и другие книги на исторические темы. Читая, Вы не могли не заметить, что авторы делятся на две категории: первая – альтруисты-архивисты, проводящие время в архивах и на основе добытых фактов открывающие для нас неизвестные, померкшие мгновения истории (по моему мнению, так это вообще самые редкие и ценнейшие представители сообщества исторических исследователей, многие из которых состоялись и как большие писатели), и вторая – сочинители-литераторы, которые обволакивают в литературную оболочку факты, добытые, как правило, альтруистами, ну и, конечно же, со своей трактовкой событий; в этом заключается их творчество, это их вклад в развитие и популяризацию истории.

На стыке этих двух подходов, где скрупулезность архивных изысканий встречается с художественным осмыслением, рождается наиболее полное и захватывающее представление о прошлом. Альтруисты-архивисты, подобно археологам, откапывают бесценные артефакты – документы, письма, свидетельства очевидцев, – которые служат фундаментом для понимания эпохи. Они предоставляют нам сырой материал, не тронутый временем и интерпретациями, позволяя прикоснуться к подлинности.

Однако, без умения облечь эти факты в живую, понятную форму они рискуют остаться лишь сухими строками в пыльных папках. Здесь на сцену выходят сочинители-литераторы. Их задача – вдохнуть жизнь в эти сухие факты, превратить их в повествование, которое трогает душу и заставляет задуматься. Они не просто пересказывают, но и интерпретируют, выстраивая причинно-следственные связи, показывая мотивы и страсти людей, живших столетия назад. Их литературный дар позволяет нам не просто узнать о событиях, но и почувствовать их, увидеть мир глазами тех, кто его творил.

Именно в этом симбиозе кроется истинная сила и завораживающее воздействие исторической литературы. Когда факты, добытые с неустанным трудом, обретают яркую литературную форму, история оживает. Она перестает быть набором дат и имен, превращаясь в драму человеческих судеб, в галерею ярких образов, в зеркало, отражающее вечные вопросы бытия. Читатель, погружаясь в такое произведение, получает не только знания, но и эмоциональный опыт, который способен изменить его взгляд на мир и на самого себя. Это и есть тот самый бесценный вклад, который делают и те, и другие, каждый на своем поприще, но вместе – создавая единое, многогранное полотно истории.

Примером альтруистического и подвижнического жизненного пути являлся Николай Герасимович Устрялов (1805–1870) – профессор Петербургского университета, академик Императорской академии наук. Самым важным трудом, которому Николай Герасимович посвятил последние 23 года жизни, стала «История царствования Петра Великого». Автор впервые использовал множество оригинальных источников из государственных архивов России, Голландии, Франции и даже Тайного государственного архива Вены (Австрия). Его труд остался незаконченным, но, несмотря на это, явился крупнейшим историческим исследованием. Валентин Пикуль (1928–1990), большой патриот России, отмечал, что гимназический учебник истории Устрялова написан настолько увлекательно и живо – в отличие от нынешних, по сути, «засушенных» конспектов, – что «…можно смело его сегодня – естественно, откорректировав – издавать. И будут читать взахлеб».

Произведения литераторов читаются иногда на одном дыхании – все зависит от таланта писателя. Яркий пример – роман «Петр I» Алексея Николаевича Толстого. Здесь вам и почти достоверные факты, и необходимая духу времени интерпретация, да и гениально изложенный сюжет. Среди сочинителей попадаются люди «без тормозов», например, описывают с физиологическими подробностями первую брачную ночь юного Петра I и его жены Евдокии, но это крайности и, скорее, исключение из правил.

Мне близка позиция современного русского философа Эриха Юрьевича Соловьева (1934–2025): «Люди минувших эпох живы для нас благодаря особого рода общественной практике – мемориальной. Она обеспечивает постоянное присутствие прошлого в актуальном сознании и препятствует тому, чтобы мы его подменяли или сочиняли. Те, кого уже нет, продолжают общаться с нами через оставленное ими наследие. Мы находимся во власти их заветов и в каждом новом поколении стоим перед задачей осмысленного отношения к заветам, которое одно только может уберечь от слепой покорности авторитету, с одной стороны, и от предательского беспамятства – с другой» /1/.

Эрих Соловьев широко использовал «биографический анализ как вид историко-философского исследования» и с помощью данного методологического инструмента изучал мыслителей прошлого. Напрашивается аналогия: ведь на основе биографических данных исторических персонажей, но уже с использованием психологического анализа, появляется возможность проводить и историко-психологические исследования. И да, в XX веке возникает новое направление в изучении личности – психоистория, – образовавшееся в результате синтеза психологии и истории. Исследование на основе междисциплинарного взаимодействия психологии и истории дает поразительные результаты и позволяет ответить на целый ряд вопросов, на которые обычные методы не дают ответов.

Так, если биографический анализ, как его понимал Соловьев, фокусируется на реконструкции и осмыслении жизненного пути мыслителя для понимания его идей, то психоистория идет дальше, стремясь выявить глубинные психологические мотивы, неосознанные комплексы и травмы, которые могли повлиять на формирование мировоззрения и принятие исторических решений. Это позволяет увидеть не только «что» и «как» мыслил или действовал исторический деятель, но и «почему», раскрывая подчас скрытые от поверхностного взгляда движущие силы его поступков.

Здесь мне придется сделать небольшую ремарку-допущение. В рамках данной работы этимология термина «психоистория» является «обобщающим полем», концентрирующим различные течения и направления психологии личности в истории. Не могу удержаться и не привести цитату А. Г. Асмолова – выдающегося российского психолога, разработавшего историко-эволюционный подход в психологии личности: «Ареной для проверки чувствительности психологии по отношению к истории являются многолетние «бои за психологию в истории» (М. Блок, Л. Февр) и «бои за историю в психологии» (Л. С. Выготский)». Одним из следствий этих многолетних дискуссий о взаимоотношениях между психологией и историей стало возникновение различных гибридных дисциплин – «палеопсихологии» (Б. Ф. Поршнев), «исторической психологии» (И. Мейерсон, Ж.-П. Вернан и др.) и «психоистории» (Э. Эриксон, Л. Де Моуз)» /2/.

Например, в данной работе использован принцип подачи материала, предложенный в свое время Карлом Леонгардом (1904–1988) – автором концепции акцентуированных личностей. К. Леонгард в своей книге «Акцентуированные личности» вторую часть полностью посвятил примерам из жизни литературных героев, при этом показав не только свою широкую эрудицию, но и отличное знание творчества русских писателей: Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. Российский психолог В. В. Пономаренко развил это направление, приводя в качестве иллюстрации характерных признаков различных психологических радикалов примеры из жизни литературных героев.

Прав был, конечно, Петр Борисович Ганнушкин (1875–1933), создатель психиатрической школы: правильное понимание характеров, говоря его словами, «…стало возможным только с тех пор, когда в основу этого понимания была положена психиатрическая точка зрения» /3/. Но лично нам потребовалось время для выбора той самой оптимальной, наиболее подходящей психологической методики для исторического исследования, с помощью которой возможно изучить характеры персонажей из других эпох, людей из прошлого.

Есть такое понятие у технарей – «пионерное изобретение». Наиболее простой пример – изобретение иглы для швейной машины. В этом изобретении отверстие для нитки перенесли на кончик иглы, ее острие, и сразу же появилась возможность создать саму швейную машину. Сначала игла, потом швейная машина. Все последующие изобретения швейных машин, конечно, отличались друг от друга, но во всех использовалась та самая игла с отверстием на острие. Мое мнение: таким пионерным изобретением в психологии явилась классификация древнегреческого философа и медика Гиппократа (460–370 гг. до н. э.). Он был одним из первых, кто решил сгруппировать людей по личным характеристикам, и их получилось четыре. Исходя из этого древнеримский врач Гален продолжил развивать теорию, а позже врач Аэций выделил четыре темперамента: сангвиников, холериков, флегматиков и меланхоликов. Сегодня существуют методики, в которых выделяются 6, 7, 8, 13, 16, 24, 48 (сорок восемь!) психотипов.

Мы выбрали методику В. В. Пономаренко «Семь радикалов» /3/, причем руководствовались исключительно прагматичными соображениями, т. к. методика:

1. Это результат преломления общепринятой теории характера через профессиональный опыт автора, а в профессиональном опыте и компетенциях автора Методики сомневаться не приходится, так как он привлекался в качестве эксперта для создания социально-психологических портретов преступников, занимался оценкой их психического состояния, прогнозированием поведения в резонансных преступлениях, совершенных в отношении журналистов Д. Холодова, В. Листьева, группы тележурналистки Е. Масюк в Чечне, а также серийных преступлений в лесопарке «Лосиный остров», терактов в московском метро, в культурном центре на Дубровке и др.

2. Апробирована для оценки психического состояния преступников в условиях недостатка качественной информации, т. е. практически аналогично исследованию исторического персонажа.

3. Базируется на семи психологических радикалах. Автор рассматривает личность с позиции так называемых «личностных клинических радикалов», под которыми понимаются самостоятельные группы качеств в структуре реального характера, однородные по происхождению, т. е. в основе которых лежат одни и те же «внутренние условия», подобные корневой структуре. Отсюда и определение автора, данное названным группам качеств, – радикалы (от лат. radix – корень).

4. Ну и, наконец, магия цифры семь! У меня стойкая ассоциация с семью музыкальными нотами, с помощью которых создается и исполняется – от балалайки с гитарой до симфонического оркестра – весь пласт музыкальной культуры. Есть, конечно, и балканская музыка с 17 нотами, в древней грузинской – 15, а в индийской – 22, но мы говорим о европейской музыке, да и сольфеджио всегда в помощь в этом непростом занятии со сменой тональностей, модуляциями, диезами и бемолями. Это все позволяет создавать непохожие друг на друга произведения, то есть цифра семь оптимальна. Логично, что и семь психологических радикалов со сложным доминированием и субдоминированием между собой, приоритетами в характерах и своими внутренними взаимоотношениями также позволят описать образ самого неординарного человека, создать неповторимую симфонию его характера.

Применяя выбранную методику определения психологических радикалов и используя психологический анализ впервые составим психологические профили, портреты объектов

исследования, ответим на целый ряд вопросов «почему». Почему Петр I жил в помещениях с низкими потолками, сидел на неудобных стульях, спал на короткой для своего роста кровати? Почему, имея 38-й размер ноги, носил ботфорты 45-го размера? Почему в десять лет у будущего царя закончилось системное образование и чем можно объяснить эпизоды откровенной трусости Петра? Почему появилась легенда, что из-за границы через полтора года вернулся не настоящий царь, а его двойник? А в чем настоящая причина развода Петра с первой женой и при чем здесь «кризис идентичности»? Чем была лучше для Петра Екатерина I – вторая жена, и только ли дело в секрете «приворотного зелья» – искусства любви, которым она владела? И еще множество «почему», на которые историки, опирающиеся на традиционные методики исторического анализа, не дают ответа.

Данная работа состоит из четырех частей: психологические портреты Петра I и двух его жен (Евдокии Федоровны и Екатерины I), а четвертая часть – причины развода царя с первой женой, которая является резюмирующей.

Работая над этой книгой, хотелось сохранить непростой баланс между строгой документальностью (исторические факты, даты), психологическими профилями объектов исследования и очарованием образов, освященных временем, с их характерами, причудами и привычками, достоинствами и недостатками. Удивительно, но многое из описанного в характерах данных персонажей мы легко обнаруживаем в нас, ныне живущих: мы продолжаем взаимодействовать в социуме с типичными шизоидами и эпилептоидами, тревожными и эмотивными субъектами. То есть психотипы даже по прошествии стольких веков не меняются, и это только подчеркивает неразрывность духовных и физических связей с прошлым.

Именно эта универсальность человеческой природы, проступающая сквозь века, и делает историю столь живой и актуальной. Мы видим в героях прошлого не далекие, чуждые фигуры, а скорее отражения самих себя, своих страхов, стремлений и слабостей. Их поступки, мотивированные теми же вечными двигателями – любовью, властью, страстью, страхом, – резонируют с нашим собственным опытом, позволяя нам глубже понять не только их, но и самих себя. Это не просто изучение прошлого, а диалог с ним, где каждая эпоха становится зеркалом, в котором мы можем разглядеть черты, присущие нам всегда. И в этом непреходящем сходстве кроется не только утешение, но и глубокое осознание нашей общей человечности, связывающей нас с теми, кто жил до нас, и теми, кто будет жить после.

В заключение – несколько слов моим будущим критикам. Одним из наставников, оказавших серьезное влияние на молодого писателя Валентина Пикуля, был профессор С. Б. Окунь (1908–1972), возглавлявший кафедру истории в Ленинградском университете и говоривший: «Автор имеет право думать иначе, нежели историк-профессионал. Роман – не учебник по истории. Физик или геолог имеют свое мнение о гибели Помпеи, которое вряд ли совпадет с тем, что мы видим на картине Карла Брюллова…» Объективно – это действительно так! Точка зрения писателя, подвергающего свой объект исследования психологическому анализу, не обязательно будет совпадать с общепринятой точкой зрения на исторических персонажей, но это вовсе не означает, что он не является патриотом или что его задача – очернить объект исследования. Множество философов, исследователей, писателей, в том числе и перечисленные выше (Э. Ю. Соловьев, В. С. Пикуль), а также американский психоисторик немецкого происхождения Э. Г. Эриксон, на работу которого мы будем ссылаться в своих исследованиях, рассуждая о патриотизме, всегда выходили на главную мысль: подлинный патриотизм базируется на глубоком изучении и понимании прошлого, ибо в прошлом мы черпаем опыт, необходимый для созидания будущего.

Именно поэтому, обращаясь к прошлому, мы не стремимся к его идеализации или, наоборот, к бескомпромиссному осуждению. Наша цель – постичь его многогранность, увидеть не только свершения, но и ошибки, не только героев, но и их сомнения. Ведь именно в этом сложном переплетении человеческих судеб и исторических событий кроется истинное пони-

мание того, что сформировало нас сегодня. Не случайно историков и психологов объединяет постулат: настоящее является продуктом прошлого. И если писатель, подобно ученому, стремится к объективности, пусть и через призму художественного осмысления, то его взгляд, даже если он отличается от привычного, заслуживает внимания. Он может открыть новые грани, заставить задуматься над тем, что казалось незыблемым, и тем самым обогатить наше коллективное представление о прошлом. Ведь история – это не застывший сталактит, а живой, постоянно развивающийся нарратив, в котором каждый новый голос, каждая новая интерпретация может добавить важный штрих к общей картине. И в этом поиске истины, в этом стремлении к более полному и глубокому пониманию мы находим основу для построения, более осознанного и прочного будущего.

I. Император Петр I
Психологический портрет

«Основателю Великого Града Российского Императору Петру Первому от Итальянского Скульптора Карло Растрелли и от Русского Художника Михаила Шемякина 1991 г. Отлита в Америке». Фото Е. Н. Новосельцевой, 2026 г.

Введение

«В начале была… психология», – авторитетно утверждает наш выдающийся психолог Александр Григорьевич Асмолов, и далее иронично: «Или, как метафорично передает подобного рода откровение О. Э. Мандельштам: «…прежде губ уже родится шепот», – а в моей жизни, пусть опосредованно, она (психология) явилась в виде шелеста страниц книги Пономаренко В. В. «Практическая характерология с элементами прогнозирования и управления поведением (методика «Семь радикалов»)» **/3/.** Попытался освоить методику и под ее впечатлением с удивлением обнаружил, что в толпе стал азартно определять психотипы ничего не подозревающих людей: вон стоит паранойяльный тип, а рядом сидит юноша в яркой бейсболке и попугайской футболке – ну точно истероид, а на ногу мне наступил угрюмый шизоид, да еще и огромной шизоидной сумкой заехал по колену. Оказывается, психология – это заразно, вирус называется «синдром студента-медика-первокурсника». Мой блуждающий, бесцеремонно-пытливый взгляд уже начал перемещаться на домашнее окружение, и тут я вовремя вспомнил рекомендацию Виктора Викторовича: прежде чем осваивать методику на живых людях, надо потренироваться на литературных героях. В этот раз выбор пал на Петра Алексеевича. Совсем не литературный герой, а реальный человек – тем интереснее предстоящее исследование. Домочадцы перевели дух: они на некоторое время избегут радостной участи моего «психологического диагноза».

А вот почему именно Петр I, спросите вы, разве мало других героев? И опять виноваты теперь уже две книги. С удовольствием читал двухтомник Владимира Мединского «Рассказы из русской истории. Петр I» (2023) и почти со всем соглашался, а потом с не меньшим интересом – тоже двухтомник Андрея Буровского: «Петр Первый – проклятый император» и «Петр Окаянный. Палач на троне» (2010). Понятно, что и авторы, и их труды – антиподы, но я-то хорош, прямо всеядный какой-то. Замечательно, конечно, что у нас в течение одного короткого временного периода печатаются прямо противоположные точки зрения – это достижение для нашей страны, и его надо бы поберечь, но появился и чисто психологический момент. Мне, октябренку (меня же никто не исключал, разве что по возрасту вышел), пионеру и комсомольцу, наконец, в институте конспектировавшему историю КПСС и труды классиков марксизма-ленинизма (иначе зачет не получить), для которого слова о дружбе народов, интернациональном долге и даже «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» были вполне себе естественными (молодежь, не улыбайтесь, зато мы проценты в уме считаем, а вы без ИИ никак) и для которого Петр мог быть только Великим, вдруг аргументированно сообщают, что и не великий он вовсе, а палач на троне. С этим надо разбираться, поэтому в выборе объекта исследования с точки зрения психологии больше вопрос не стоял.

Оказывается, есть целый пласт литературы, в котором проводится анализ исторических персонажей с точки зрения их психотипов, а также диссертации и научные статьи на эту же тему. Если уйти от зубодробительных терминов, то эта литература является продуктом междисциплинарного синтеза психологии и истории. Есть и критика у такого подхода. Основное – это субъективность автора. С этим мне предстоит бороться, постаравшись быть нейтральным. Второе – это отсутствие единого метода. Ну раз его нет, то что нас должно это сдерживать? Третье – про Петра I мне не удалось найти анализа с точки зрения психотипа.

Обоснование выбора методики анализа психотипов исторических персонажей мною приведено в предисловии, поэтому будем считать, что необходимая пояснительная часть завершена. Более подробно можно посмотреть в работе автора методики **[3]**, приступаем к созданию психологического портрета.

Видимо, нужно вначале заполнить анкету.

Ф.И.О. – Романов Петр Алексеевич.

Дата рождения – 30.05.1672 г., город Москва.

Умер: 8 февраля 1725 года (52 года), г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская губерния, Российская империя.

Сын от второго брака царя Романова Алексея Михайловича (1629–1676) с Натальей Кирилловной Нарышкиной (1651–1694).

Сокращенный титул в 1721 году звучал так: «Петр Первый, император и самодержец Всероссийский», полный: «Божиею поспешествующею милостию, Мы, Петр Первый, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Князь Эстляндский, Лифляндский. Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский. Рязанский. Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Северныя страны повелитель и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных наследный Государь и Обладатель».

Государевой титул в полном объеме – это важно и принципиально, он зачастую становился предметом дискуссии с послами иностранных государств: «[Царь посылал в Варшаву] с жалобою на приходивших в Москву уполномоченных от короля, что они в своих бумагах царского титула не дописывали, к бесчестию государя, и с требованием казнить виновных смертию» **/4/**. От греха, как говорится, лучше перестраховаться. Тем не менее, со всем уважением к титулу Государя для целей нашего исследования будем, по возможности, именовать объект нашего изучения обыденно и буднично – Петром.

Начнем с того, что отец будущего Петра Великого – царь Алексей Михайлович по прозвищу Тишайший – был многодетным отцом и имел 16 детей, которые родились у него в двух счастливых браках (так считают историки). Первой женой у него была Мария Милославская, в браке с которой он был 21 год; она успела родить ему 13 детей и умерла в 44 года от «родовой горячки». Через два года после смерти первой жены царь взял в жены Наталью Нарышкину; разница в возрасте между супругами составляла 22 года, она родила ему троих детей. Петруша стал первым из троих детей своего отца от его второй жены, Натальи Нарышкиной.

Царь Тишайший умер в 46 лет, когда Петру исполнилось четыре года. Сейчас бы сказали: воспитывался в многодетной и неполной семье. Да мало того – семья еще сильно поредела, и только 10 детям удалось пережить своего отца. Легко посчитать, что даже в условиях быта царской семьи детская смертность составляла около 40 %. Грустно, чего уж говорить про подданных государя. Можно добавить, что у дедушки Петра, царя Михаила Федоровича Романова, из 10 детей выжили только 4. Смертность – 60 %.

Да и выжившие дети страдали различными заболеваниями; например, будущий царь Иван V был очень болезненным – с детства страдал цингой, эпилепсией и, возможно, слабоумием. Иван скончался в 29 лет; уже к 27 годам он был разбит параличом и практически ослеп. Непропорционально маленькая голова государя Петра I, по мнению современных исследователей, – это результат родовой травмы либо патологии внутриутробного развития и всех признаков микроцефалии, характеризующейся аномальным развитием головного мозга, при котором наблюдается значительное уменьшение его массы и недоразвитие черепной коробки. Возможно, из-за этого Петра также преследовали эпилептические припадки. Бронзовый памятник «Петр-паук», который так называют из-за длинных растопыренных пальцев на руках, скульптор Михаил Шемякин (идею предложил его друг В. Высоцкий) делал с учетом размеров подлинной посмертной восковой маски, снятой Б. Растрелли (Bartolomeo Rastrelli) с лица императора. В результате памятник, расположенный на Главной аллее Петропавловской крепости, имеет гротескный вид.

По вопросу о памятнике – небольшое замечание. Поклонникам Петра Алексеевича, которые считают, что памятник – пародия на царя, рекомендую посетить Зимний дворец, где в помещении бывшей кордегардии находится знаменитая «Восковая персона» Петра Великого, производящая на зрителя впечатление живого человека. Фигура сидит на троне, одетая в оригинальную одежду; локоны на голове, а также брови и усы – из подлинных волос Петра I; глаза написаны по финифти на золотой основе живописцем-миниатюристом Андреем Овсовым, который смог передать живой сверкающий взгляд карих глаз императора. Лицо с двумя глубокими морщинами на лбу и непрерывно следящим за вами немигающим взглядом доводит до дрожи слабых духом экскурсантов. Почему эта фигура представляет для нас, кроме несомненного историко-культурного значения, и исследовательский интерес?

Во-первых, фигуру изготавливал все тот же скульптор Б. Растрелли, а перед этим он тщательно в 1717 г. (за 8 лет до смерти императора) сделал гипсовые слепки лица, ступней ног и рук, а также обмерил его тело. После смерти Петра I он еще сделал и посмертную маску. При изготовлении скульптуры он с документальной точностью выдержал все пропорции государя.

Во-вторых, пропорции на памятнике и восковой фигуре идентичны. Единственное, на мой взгляд, отклонение: лицо Петра I в исполнении М. Шемякина – более молодое, а на восковой фигуре – более реалистичное, немного асимметричное из-за мышечного лицевого спазма, печать возраста, если так можно сказать. Да и обувь у Петра на памятнике явно не 38-го размера, но это, видимо, комплимент от скульптора.

Дискутируют по поводу роста Петра I: называются разные цифры, наиболее популярные – 213 см и 204 см, например, метрические данные с неоднократных эксгумаций свидетельствуют, что рост Петра после вскрытия его гробницы составлял около 197–204 см. Неожиданно для себя обнаружил, что в отделе русской культуры Государственного Эрмитажа, в Галерее костюма, выставлен потрясающий экспонат – скромного вида деревянная палочка с зарубками. Это прижизненная портновская мера роста Петра I. Его рост составлял 2 метра и 3,5 сантиметра /5/. Как вы считаете, на этом споры о росте Петра Алексеевича можно закончить?

В любом случае для XVIII века этот показатель был чрезмерным, поскольку тогда средний рост мужчины колебался у отметки 160 см. Если к этому добавить маленький размер ступни (38) и 48-й размер одежды, то перед нами предстает диспропорциональная фигура, а если экстраполировать эти данные на юношу 17 лет, то перед нами возникнет образ долговязого щуплого подростка с неординарной внешностью. В 17 лет Петр Алексеевич венчался со своей первой женой Евдокией Лопухиной. Да, и чтобы закончить с описанием внешности, вот мнение современного невролога: «Маленькая голова, круглые щеки, слегка навыкате глаза, несуразные длинные «паучьи» конечности – все это наводит на мысли о синдроме Марфана, врожденной аномалии, поломке гена, кодирующего строение соединительной ткани» /6/. Честно говоря, я думал, что «паучьи конечности» – это такая оригинальная метафора скульптора, воплощенная в бронзе, а оказывается, медицинский синдром; в общем, пациент нам достался отягощенный заболеваниями. Кстати, еще одна известная личность с таким же предположительным диагнозом – гениальнейший скрипач и виртуоз Никколо Паганини.

Рост Царя – это была для меня первая возникшая сложность при собирании материала о Петре и не самая сложная, хотя о его долговязости спорят до сих пор, и в этом большая разница между литературным героем и реальным историческим персонажем. Вокруг живой и кипучей деятельности Петра I рождалось много легенд, а иногда и откровенных, как сейчас принято говорить, «фейков», наслоений лжи, иногда и фальсификаций, начиная с историй о его патологической трусости и заканчивая версией смерти Царя от сифилиса. Вскоре выяснилось, что и другие исследователи личности Петра Алексеевича сталкивались с аналогичными трудностями, а в чем они состоят, убедительно изложила О. Б. Карпенко: «…сопряжено с целым рядом трудностей. Первая из них – невозможность “прямого тестирования”, т. е. выяснения … в непосредственном контакте, “глаза в глаза” … Ответы большей частью косвенные,

и более того, не из уст “испытуемого”, а через свидетельства современников, близких, летописцев, историографов. Это порождает вторую сложность – необходимость вычленения реальных мотивов, отделения их от субъективных интерпретаций биографов, мемуаристов. Здесь иногда приходится сталкиваться с прямой фальсификацией психологической канвы реальных событий. …еще одна сложность – бедность нашей исторической литературы и нищета наших библиотек» /7/. Да, заманчиво, согласитесь, было бы побеседовать с Петром Великим «глаза в глаза».

1. Психологический профиль. Радикалы

По нашему мнению, психологический тип Петра представляет собой гремучую смесь-мозаику различных радикалов и описывается сложным психологическим профилем – схематическим изображением характера как иерархической последовательности входящих в него радикалов (на первом месте – основной, доминирующий радикал, определяющий ведущую поведенческую тенденцию, затем – остальные, вплоть до самого малозначительного). Работа строилась в виде диалога следующим образом: от профессионального психолога /3/ – посыл, типичный признак, характерный для конкретного психологического радикала, а в ответ – мои авторские ассоциации из жизни Петра I. Считаю корректным предупредить, что практически все психологические характеристики заимствованы из вышеназванной методики и предполагается обильное цитирование первоисточников, иначе исчезнет доказательная база.

ЭПИЛЕПТОИДНЫЙ – ШИЗОИДНЫЙ – ПАРАНОЙЯЛЬНЫЙ – ИСТЕРОИДНЫЙ – ЭМОТИВНЫЙ – ГИПЕРТИМНЫЙ – ТРЕВОЖНЫЙ

Выше изображен психологический профиль нашего объекта – Петра. Рассмотрим его более подробно. Доминирующим радикалом в психологическом профиле Петра является **ЭПИЛЕПТОИДНЫЙ.**

Психолог. В основе эпилептоидного радикала лежит нервная система, ослабленная т. н. органическими изменениями. Отметим, что эта последовательность состояний: застой возбуждения – раздражение – агрессия – не зависит от воли, желания человека, наделенного эпилептоидным радикалом. Немотивированные вспышки агрессии, управлять которыми эпилептоид не властен, чем-то напоминают столь же немотивированные приступы мышечных судорог у больных эпилепсией. Отсюда и сходство в названиях.

Но не одними «вспышками» жив эпилептоид. Постоянно присутствующее в его нервной системе напряжение рождает чувство тревоги. Тревога – это переживание надвигающейся опасности. Тревога – неизменная спутница слабости, а его нервная система ослаблена.

Агрессия, стремление подавить врага, напасть на него первым, лишить его способности сопротивляться, подчинить себе и, таким образом, взять под контроль ситуацию являются основой эпилептоидной тенденции в поведении. Какой взгляд на мир, на окружающих людей формируется у эпилептоида, постоянным фоном настроения которого становятся тревога, раздражение, злоба, агрессия. Верно, эпилептоид – мизантроп, человеконенавистник. Чувство глубокой неприязни к людям пропитывает всю его жизненную философию.

Автор. «…добрый по природе как человек, Петр был груб как царь, не привыкший уважать человека ни в себе, ни в других; среда, нам уже знакомая, в которой он вырос, и не могла воспитать в нем этого уважения. Природный ум, лета, приобретенное положение прикрывали потом эту прореху молодости; но порой она просвечивала и в поздние годы» **/8/**.

Петр говорил: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами, а с русскими не так: если б я не употреблял строгости, то бы уже давно не владел русским государством и никогда не сделал бы его таковым, каково оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей» **/9/**. Конкретно, по-царски, что здесь можно добавить – «чувство глубокой неприязни» – это еще мягко сказано про нашего персонажа.

Даже все указы Петра не отличались человеколюбием, и в конце каждого прописывались репрессии за неисполнение. Пушкин А. С. верно заметил, что все указы Петра как будто «кнутом писаны».

Психолог. Из-за слабой, малоподвижной (т. е. относительно медленно переключающейся с одной задачи на другую) нервной системы эпилептоид не справляется с быстрыми и объемными информационными потоками. Информационные перегрузки и вызываемый ими стресс заставляют его страдать психологически и даже физически: эпилептоид постоянно чувствует тревогу, поскольку окружающие его информационные потоки воспринимаются им как хаотичные, неуправляемые. Он обречен на муки, если только не повернуть свою адаптацию в нормальное, как у других людей, русло.

Информационные потоки – это, главным образом, предметы и люди. Следовательно, чтобы избавиться от головной боли (в ее прямом и переносном смысле), эпилептоиду необходимо взять под контроль, «выстроить», упорядочить людей и предметы в окружающем его жизненном пространстве. Что и становится стержнем социальной адаптации по эпилептоидному типу.

Автор. Все те гигантские изменения, которые производил Петр I в России, в основе своей имели, с точки зрения психологии, потребность царя выстроить окружающих его людей под его понимание стройной системы. Немецкая слобода в юношестве стала для него образцом мира, в котором ему хотелось существовать: где было комфортно, жили приятные во всех отношениях люди, мужчины – бритые, женщины – с прическами, разнообразная одежда европейского стиля, веселые гулянки с раскрепощенным окружением. Возвращаясь в мир, где он был царем и где его все раздражало, он встречал бородатых мужиков в длинных зипунах, женщин, закутанных в платки и серые тусклые платья; ему хотелось изменений. Особенно это желание усилилось после поездки за границу в составе Великого посольства. И речь уже шла не только о внешнем виде сограждан, но и о реформе армии, делопроизводства, судов, взаимоотношениях с церковью, в принципе – обо всем исконно русском образе жизни.

Эк загнул автор: типа реформа государства из-за психологии одного индивида! В этом-то и проблема, что во всех поступках психология первична. Женственно и плавно разводящий руками Горбачев совершал одни поступки, а яркий эпилептоид Ельцин, рубящий с плеча не только жестами, совершал другие. Наразводили и нарубили – до сих пор разгребаем. Если бы Петр условно командовал отрядом стрельцов, то он, конечно, начал бы изменения внутри этой структуры, ну, конечно, в меру допустимого, а здесь государь с неограниченной властью – самодержец, кто его ограничит? Вот и пришлось ему, бедолаге, переустраивать государство под себя.

Психолог. Разговор об оформлении внешности начнем с присущей эпилептоидному радикалу функциональности. Это характерное свойство эпилептоидов, в котором выражается их неистребимое стремление к порядку, везде и во всем. Одежда, считают они, должна обязательно соответствовать ситуации, в которой находится и действует человек. Для работы существует рабочая одежда, для праздника – праздничная.

Автор. Гардероб Петра Алексеевича – это очень типичная для характера царя история: ведь за формирование стиля и выбор костюмов отвечали аж 4 радикала из 7 присутствующих, поэтому не стоит ждать ничего однозначного и однотипного – скорее, все очень противоречиво. Зато на этом примере хорошо видно, как взаимодействуют различные радикалы для решения одной задачи – формирования гардероба царственной особы.

Рабочая одежда – это поле ответственности эпилептоидного радикала, прежде всего из-за ее необходимой функциональности. У Петра после путешествий в Европу сформировалось свое мнение о том, какой должна быть одежда, в том числе рабочая. Его покорила одежда голландских моряков: штаны, которые, в отличие от французских, были свободны и давали «жизнь». Не менее интересной и практичной была курточка – бострог. Являясь верхней и основной одеждой моряков, она специально обрабатывалась, чтобы уберечь ее от морских брызг и воды. Например, ее натирали воском или пропитывали оливковым маслом. Такие куртки, как понимаете, не стирались, но чистились по мере загрязнения **/10/.**

А как быть с зимней рабочей одеждой? «Это прежде всего удобная, теплая, защищающая одежда. Как, например, демонстрируемый на выставке длинный редингот из английского сукна. Вот таким можно было видеть Петра I в нашем промозглом сыром Петербурге, – говорит куратор. – Иногда рединготы пропитывали воском ради придания водоотталкивающих свойств. У него двойной воротник: верхний поднимается и застегивается на уровне носа и губ. Дополняет редингот шапка-картуз с опускными лопастями, которая превращается в ушанку. Если ее тоже застегнуть спереди, то остается только щель для глаз. Под редингот для тепла, конечно же, надевается несколько слоев одежды. Руки защищали вареги (варежки. – Прим. авт.) с одним или двумя пальцами. Плюс еще сапоги-ботфорты» **/5/**.

Эпилептоидный радикал не мог не поучаствовать и в конструировании обычной гражданской одежды. Мне показался любопытным следующий фрагмент: «…посмотрим на одну ее очень значимую деталь – карман! Отношения Петра с карманами были чисто деловые и крайне практичные. Никаких шелковых и невесомых подкладок в карманах Петра не было отродясь. Все было основательно, и бесполезный с точки зрения практичности шелк заменяла кожа. Зачем? – спросите вы. Да затем, что карманы Петру нужны были для складывания всех необходимых ему вещей, вплоть до подзорной трубы. Его карманы можно сравнить с «дамской сумочкой», в которой можно обнаружить все и на все случаи жизни» /10/. Интересный момент: с одной стороны, мы видим функциональный карман, который только и может быть у данного эпилептоидного радикала, а с другой – складывание различных нужных предметов в один карман или сумку – это в чистом виде признак гипертимного радикала. Всего лишь карман, а как много он может сказать психологу о человеке.

Психолог. Обладатели этого радикала постоянно рвутся стричь все и вся – волосы, ногти, траву, вековые деревья, выстригая (если их вовремя не остановить) до кожи, до голой земли. Поэтому характерными для эпилептоидов являются короткие стрижки, они не терпят бород, усов и прочих «волосяных приборов», удлиненные ногти их раздражают.

Автор. Этим, в том числе, можно объяснить столь ретивое преобразование – изменение внешних признаков, рознивших русскую жизнь от европейской. Петр на другой же день после прибытия своего из-за границы в Москву, 26-го августа, в Преображенском дворце собственноручно начал отрезать бороды; дана была пощада при дворе только двум старикам: Стрешневу и Черкасскому. Всем близким к царю людям велено было одеться в европейские кафтаны. Все войско велено было нарядить в форменную одежду по европейскому образцу. Бородобритие и перемена одежды с первого раза возбуждали ужас и показывали, что Петр не будет оказывать снисхождения обычаям древней русской жизни, принявшим религиозное значение. Исстари в русской литературе существовали приписываемые святым мужам поучения о сохранении бороды; борода у мужчин считалась признаком не только достоинства, но и нравственности; бритье бороды называлось еллинским, блудным, гнусным делом. Бритый человек, если он не был иноземцем, возбуждал к себе презрение; и вдруг сам царь приказывает русским людям учинять над собою «развратное, скаредное дело» /8/. Заметим, что сам Петр никогда с бородой замечен не был, носил только короткие усы. Петру же приписывали и обращенные к боярам слова о брадобритии, отвечающие обычному тону его речи и образу мыслей: «Наши старики по невежеству думают, что без бороды не войдут в царство небесное, хотя оно отверсто для всех честных людей, с бородами ли они или без бород, с париками или плешивые» /11/.

Александр Александрович Бушков (1956–2025) заметил, что «впервые сбрил бороду отец Ивана Грозного Василий III – и мир не перевернулся, а народ не взбунтовался» /12/; дальше продолжил брить себя Борис Годунов, причем цензура не разрешала его изображать на портретах безбородым; затем «…указом царь Алексей Михайлович вооружился против брадобрития, наказывая ослушников понижением в чинах; Петр точно таким же насильственным образом изводит бороды и русское платье. Наконец, заметим еще одно обстоятельство: без сомнения, первым делом Петра по приезде в Москву было потребовать розыскное дело

о стрельцах, и легко понять, с каким чувством читал он челобитную их, наполненную злыми выходками против Франца Лефорта (т. е. против самого Петра), против немцев, последующих брадобритию. – Я немец, последующий брадобритию: так вот же вам ваши бороды!» /7/. Я позволю себе дополнить В. О. Ключевского: все дело в том, что между царем Алексеем Михайловичем и его сыном Петром I правил короткое время (6 лет) кровный и старший брат Петра – царь Федор III Алексеевич. При нем было «…рекомендовано брить бороды, что к тому времени было вовсе не таким уж шокирующим новшеством» /12/.

Ну а Петр – по сути, «…он готов к борьбе на жизнь и на смерть, он возбужден, он кипит, первый пойдет напролом, он бросится на знамя противников, вырвет и потопчет его: это знамя – борода, это знамя – старинное длинное платье» /8/.

Психолог. Эпилептоиду необходимо взять под контроль, «выстроить», упорядочить людей и предметы в окружающем его жизненном пространстве.

Автор. Эпилептоид обладает одной замечательной чертой: без иронии, если это в рамках разумного, он любит регламентировать и упорядочивать различные сферы деятельности, учить неразумных, как ему кажется, окружающих его людей истине, исходящей от него. В политическом лексиконе последних лет прочно прописался термин «бешеный принтер» – это когда законодательный орган мало того, что издает огромное количество законов за короткий промежуток времени, как правило, не учитывающих мнение людей, для которых, собственно, и издаются, так еще и невыполнимых изначально. Современный «бешеный принтер» – это всего лишь жалкая пародия на Петра I; истоки такой законодательной деятельности начинаются в конце XVII века. Он за время своего правления (условные 35 лет) сумел издать свыше 20 000 (двадцати тысяч) царских указов, или около 50 указов в месяц. Если выкинуть дни, когда царь находился в боевых походах, в запое, болел или пребывал в длительных депрессиях, которые с ним также частенько случались, то получится около двух указов в день. Регламентировать пытался все: как крестьянам косить рожь (вместо серпа надо применять косу), ширину полотна рогожи, как церковным служителям следует вести богослужение, какая одежда должна быть у подданных и, всем известная, стрижка бород. Многие указы наносили откровенный вред, например, знаменитый указ снимать церковные колокола. Буровский А. М. /13/ приводит: «… простейший расчет: под Нарвой шведы захватили 177 орудийных стволов, из них 116 – устаревшего образца (очень тяжелых и притом маленького калибра). Всего в Московии тогда было больше 1000 стволов… Ни малейшей необходимости срочно лить новые пушки вообще не было. А снимать колокола… Видите ли, у колокольной и орудийной меди разный состав, и перелить колокольную медь в орудийную очень непросто. Сделать это можно только с помощью специальных присадок. Таких присадок в Московии попросту не было, приходилось их ввозить, и к 1703 году из 90 тысяч пудов «заготовленной» колокольной меди перелили в орудийную всего 8 тысяч пудов».

Были и откровенно казусные указы, как то: «Подчиненный перед начальником должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство» /13/.

Был даже издан указ, в котором Петр подробнейшим образом рассказывал, как надо жениться… А если кто-то ослушается, будет жениться не так, как написано в указе, тогда жениха, невесту и всех родственников – кнутом их, забить в кандалы, сослать в отдаленные губернии… /13/. Правда, было, например, в этом указе и рациональное: требовалось спрашивать согласие невесты на помолвку. У его первой жены, Евдокии Лопухиной, никто не спрашивал согласия, когда выдавали замуж за Петра; возможно, и этот личный жизненный опыт отразился при написании данного указа.

Издавались не только указы, но были и инструкции. Например, у Бушкова /12/ приводится страшный уже даже по названию документ, разработанный лично Петром: «Обряд, как обвиняемый пытаем».

Поэтому не могу не согласиться с уважаемым А. М. Буровским: «…в этом упорном, натужном издавании все новых и новых указов проявилась еще одна черта Петра, которую тоже не назовешь вполне нормальной: стремление вникнуть абсолютно во все стороны жизни подданных, организовать решительно все и ни в коем случае не допускать, чтобы кто-то или что-то избежал регламентации». Теперь мы с вами знаем, в чем причина: во всем виноват эпилептоидный радикал, который доминирует в характере нашего героя.

Психолог. Принцип функциональности соблюдается эпилептоидами не только в отношении одежды. В обитаемом ими пространстве нет бесполезных вещей. Каждый предмет либо уже используется, либо тщательно подготовлен к использованию.

Автор. Для нашего исследования можно считать эталонным чудом сохранившееся пространство, которое Петр организовал для себя – личные покои в некогда двухэтажном флигеле «Малые палатки» Зимнего дворца. Петр заходил в свои комнаты через проходные сени, и во всех дверях ему приходилось нагибаться. Почему, имея рост свыше 2 метров и лично занимаясь проектированием своих покоев, он не захотел сделать их выше? На самом деле это приводит в недоумение многих исследователей личности царя. На этот вопрос мы ответим позже при разборе шизоидного радикала, который также присутствует в характере Петра. Из сеней государь входил в рабочий кабинет, который называл «конторкой». Царь-великан всегда работал стоя. Работать сидя за письменным столом – совершенно не в его духе, не в его характере, а для нас это дополнительная черта к портрету Петра Алексеевича. Конторка – это столбюро, который он сам заказал себе в Лондоне в 1717 году по собственноручно выполненному чертежу, и вот здесь-то принцип функциональности возобладал. Откидная доска расположена очень высоко, а высота верхней крышки 178 см; это удобно только для человека большого роста. «Конторка» – уникальное рабочее место царя-труженика, подлинный, сохранившийся до наших дней предмет мебели. Кроме того, в личном кабинете царя рядом с конторкой на стене довольно высоко висит зеркало. Только он, со своим двухметровым ростом, и мог в него посмотреться. Зеркало – подарок короля Пруссии Фридриха Вильгельма I. Еще один королевский подарок Петру стоит на самой конторке – это янтарная шкатулка. Петр получил много подарков от Фридриха, но почему-то около себя держал только зеркало и шкатулку. Личные покои государя состояли из небольших комнат площадью 15–18 квадратных метров, поэтому в них располагалось только самое необходимое. Увидев во время путешествия в Англию камин, он распорядился соорудить в кабинете-«конторке» такой же – первый в России, но, не сильно, видимо, доверяя этому отопительному устройству, дополнительно установил и печь. Известно, что в кабинете за конторкой царь писал Морской устав, чертил схемы будущих кораблей, работал над планом Кронштадта, подписал указ об учреждении Академии наук в 1724 году (за год до своей смерти). Кстати, долгую и мучительную смерть Петр также принял в «конторке».

Психолог. Эпилептоид всегда хорошо знает, какая игла для какой ткани, какой крючок для какой рыбы, какая кастрюля для какой пищи, какой растворитель для какой краски, какой клей для каких обоев… И все это, хочу особо подчеркнуть, интересует его не из отвлеченно-эстетических, а из самых что ни на есть технологических соображений.

На рабочем месте эпилептоида в офисе всегда есть полный набор канцелярских принадлежностей, и все они «в боеготовности».

У эпилептоида есть рабочая зона, где он занимается своими поделками, хранит инструменты. Но эта зона – одна из многих функциональных зон, не более. Существуют и другие. Ревнитель формального порядка – эпилептоид не станет, к примеру, принимать пищу в спальне или выпиливать лобзиком, сидя за обеденным столом.

Автор. Следом за «конторкой» находится помещение, которое сам Петр называл токарней, – это его любимое место во дворце, потому что зайти в нее на несколько часов и сделать своими руками какую-нибудь поделку (подсвечник, подставку под чашку) из дерева, кости или рога было для него и отдыхом, и удовольствием. По центру токарни стоит высокоточный ста-

нок; он сразу же привлекает к себе внимание. Токарня царя считалась в то время одной из лучших в Европе. Всего у Петра было 50 станков, на которых он работал в разных дворцах. Вот такой необычный коллекционер: даже в походах и поездках он не расставался со станками. В токарне представлена часть коллекции резцов Петра: всего их 400, и не каждый современный краснодеревщик может похвастать таким количеством, а в мастерской выставлено 160. Все они разные по своему функционалу.

Любовь к порядку, систематизации ярко проявилась, например, в деятельности Петра по вырыванию больных зубов у окружающих. И в полном соответствии со своей эпилептоидной составляющей Петр аккуратно складывал вырванные им зубы в мешочек и, по-видимому, еще и нумеровал. Во всяком случае, в питерском музее сохранилось свыше 70 вырванных им зубов, в том числе и здоровых – рентгена-то не было, а также хранится знаменитый «Реестр зубам, дерганым императором Петром I». Этот реестр помог идентифицировать зубы княгини Дарьи, жены Александра Меншикова, и Федора Матвеевича Апраксина (1661–1728), графа, адмирала, стоявшего у истоков создания российского военного флота.

Психолог. Кроме порядка, эпилептоиды привносят в свой быт пристрастие к ремесленническому труду, что также отражается на предметной стороне их среды обитания. «Утром встал – сразу за дрель!» – девиз эпилептоидов. Эпилептоиды хорошо справляются с рутинной, неспешной работой, требующей аккуратности и точности, внимания к мелким деталям.

Они – замечательные часовщики, токари, слесари, парикмахеры, краснодеревщики и хирурги… вообще – технологи, мастера-ремесленники. Профессионализм в любом деле невозможен без эпилептоидности, поскольку что такое «профессионализм», как не внимание к технологии во всех ее мельчайших деталях?

Автор. Историки подсчитали, что царь освоил 14 профессий: плотник, столяр, слесарь, кузнец, врач, картограф, штурман, артиллерист, навигатор, кораблестроитель, часовщик, оружейник, топограф, архитектор. Было одно ремесло, которое ему так и не далось, – плетение лаптей. Он забросил это занятие, заявив, что «нет ремесла мудренее лапотного»!

«Если Петр не спал, не ехал, не пировал или не осматривал чего-нибудь, он непременно что-нибудь строил. Руки его были вечно в работе, и с них не сходили мозоли. За ручной труд он брался при всяком представлявшемся к тому случае. В молодости, когда он еще многого не знал, осматривая фабрику или завод, он постоянно хватался за наблюдаемое дело. Ему трудно было оставаться простым зрителем чужой работы, особенно для него новой: рука инстинктивно просилась за инструмент; ему все хотелось сработать самому. Охота к рукомеслу развила в нем быструю сметливость и сноровку: зорко вглядевшись в незнакомую работу, он мигом усвоял ее. Ранняя наклонность к ремесленным занятиям, к технической работе обратилась у него в простую привычку, в безотчетный позыв: он хотел узнать и усвоить всякое новое дело, прежде чем успевал сообразить, на что оно ему понадобится. С летами он приобрел необъятную массу технических познаний. Уже в первую заграничную его поездку немецкие принцессы из разговора с ним вывели заключение, что он в совершенстве знал до 14 ремесел. Впоследствии он был как дома в любой мастерской, на какой угодно фабрике. По смерти его чуть не везде, где он бывал, рассеяны были вещицы его собственного изделия, шлюпки, стулья, посуда, табакерки и т. п. Дивиться можно, откуда только брался у него досуг на все эти бесчисленные безделки» **/11/**.

Характерный эпизод, показывающий его как талантливого и увлеченного ремесленника, проявился в день свадьбы с Екатериной I. «И в тот знаменательный день свадьбы он жил так, как хотел: опережая гостей, помчался во дворец и долго вешал над праздничным столом новое паникадило на шесть свечей, которое многие месяцы точил на станке из черного дерева и слоновой кости. Потом, когда гости расселись, он, вероятно, как всякий хозяин-умелец, с гордостью посматривал на свое произведение и хвастался им больше, чем победами над неприятелем или успехами в законодательстве» **/14/**.

«Успехи в рукомесле поселили в нем большую уверенность в ловкости своей руки: он считал себя и опытным хирургом, и хорошим зубным врачом. Бывало, близкие люди, заболевшие каким-либо недугом, требовавшим хирургической помощи, приходили в ужас при мысли, что царь проведает об их болезни и явится с инструментами, предложит свои услуги» **/11/**. В Санкт-Петербургском музее антропологии и этнографии до сих пор хранится реестр зубов, вырванных Петром Алексеевичем. Большинство из них относятся к трудноудаляемым, но все корни этих зубов целы, что говорит о высоком мастерстве стоматолога. «Говорят, после него остался целый мешок с выдернутыми им зубами – памятник его зубоврачебной практике» /11/.

В музеях Санкт-Петербурга хранятся медицинские инструменты Петра: для трепанации черепа, пилы для ампутации голени, анальное зеркало.

«В первый раз страсть его обнаружилась в Амстердаме, в 1689 году, при посещении им анатомического кабинета знаменитого тогда ученого, Фридриха Рюйша, достигшего удивительного совершенства в приготовлении анатомических препаратов. Петр пришел в такой восторг, что поцеловал труп четырехлетней девочки, сохраненной с таким поразительным искусством, что застывшая на губах улыбка делала этот препарат как бы живым» **/15/**.

Петр действительно разбирался в медицине: он даже прошел курс анатомии и хирургии в Лейденском университете в Голландии. Августейший студент ассистировал при операциях и достиг серьезных успехов. Он умел пускать кровь, делать перевязки, проводить пункцию живота, вскрывать нарывы и работать скальпелем.

Психолог. Эпилептоид интуитивно (а нередко – сознательно) ведет себя в обществе, в группе людей, как животное в стае. Оказавшись в новом для себя социальном окружении, он начинает «прощупывать» каждого, испытывать на прочность, выясняя, на какое место во внутригрупповой иерархии он сам может претендовать. При этом эпилептоид классифицирует людей, и его классификация проста. Он делит всех на «сильных» – тех, кто не позволил ему помыкать собой, не испугался его агрессивного напора, отбил его экспансивные притязания на чужую территорию (в широком поведенческом смысле), и на «слабых» – тех, кто уступил, поддался, струсил, спасовал перед ним.

Автор. Несколько примеров «сильных» людей, встретившихся на жизненном пути царя, которые не испугались царского величества и не позволили ему помыкать собой – и он это почувствовал и покорился – приводит В. Н. Балязин. «К вечеру яхта была в 120 верстах от Архангельска; поднялась ужаснейшая буря. Паруса были убраны, но яхта стонала и трещала от страшных порывов ветра и от могучих ударов волн; поминутно на нее набегали громадные волны, заливали ее и бросали, как легкую ореховую скорлупу. Самые опытные матросы побледнели и со стесненным сердцем говорили, что крушение неизбежно. Мало-помалу бояре, офицеры и солдаты потеряли голову, молились, плакали, и только Петр и тридцатилетний крестьянин Нюхонской волости Антип Панов, бывший на яхте кормщиком, не потеряли присутствия духа. Панов отдавал команды, и когда Петр стал с ним спорить, крестьянин сказал царю: «Поди прочь! Я лучше тебя знаю, куда править!» Панов сумел войти в губу, называемую Унские рога, и пристал к берегу возле Петромынского монастыря. Когда опасность миновала, Петр подошел к нему и, поцеловав в голову, поблагодарил за спасение» **/14/**.

«Он вздумал на голландском военном корабле пройти всю морскую службу и для этого избрал опытного капитана Виллемсона. Однажды он приплыл к его кораблю, вошел в каюту капитана, разговорился с ним и сказал, что хочет на деле пройти всю морскую службу. Капитан представлял ему все неудобства и трудности этого предприятия, но Петр настаивал. Капитан все-таки смотрел на это как на шутку и сказал: «Хорошо, ежели ты хочешь учиться, то начинай с должности каютного юнги». – «А какая это должность?» – спросил царь. «Вот какая: подай мне трубку и принеси стакан водки! Надобно учиться служить другим, чтобы потом уметь повелевать!» Царь поспешно встал и исполнил приказание. «Хорошо, – сказал Виллемсон, – теперь будь матросом, полезай на мачту и убери парус!» Петр без возражения полез на мачту,

и все ужаснулись, когда он взобрался на самую верхушку ее и убрал парус. Капитан опасался продолжения уроков, но Петр настоятельно требовал того – и прошел всю службу до офицерского чина» /16/.

На этих двух примерах из жизни Петра мы видим, как объективно и четко работает «золотое правило» психологии (к вопросу о точности психологии как науки): чем раньше, т. е. на более ранних этапах знакомства, вы окажете сопротивление эпилептоиду, тем психологически легче будет это сделать. Тем проще (без ссор, без изнуряющего агрессивного противостояния) вы получите в его классификации желаемую позицию – «сильный». Кормщик Антип Панов и капитан Виллемсон были классифицированы как «сильные».

Психолог. В спорах эпилептоиды часто переходят от сути обсуждения на личность человека. Осуждают и критикуют не столько действия и результат, сколько самого человека, переходят, что называется на личности. Из-за этого с ними мало кто любит обсуждать что-либо. К тому же часто эпилептоиды теряют над собой контроль и в порыве эмоционального накала могут не только словесно обидеть человека, но и, не сдержавшись, в состоянии аффекта ударить его. Потом они искренне могут сожалеть об этом или наоборот – будут уверены, что поступили правильно. Часто эпилептоиды не отдают отчета себе и своим действиям. Они и сами признают это.

Автор. Главная проблема Петра – неумение своевременно решать возникающие проблемы и конфликты, а также взрывной характер. Он не мог сдерживать себя в приступах гнева, потому что накапливалось слишком много негатива. Взрывной темперамент и агрессия, выливающаяся на собеседника, были реальной проблемой и для окружения Петра. «Печальные события лета и осени 1698 года держали Петра в сильном раздражении, которое в некоторых случаях выражалось порывами бешенства. 14 сентября на пиру у Лефорта Петр начал браниться с Шеиным и выбежал вон, чтоб справиться, сколько Шеин за деньги наделал полковников и других офицеров. Возвратился в страшной ярости, выхватив шпагу, ударил ею по столу и сказал Шеину: «Вот точно так я разобью и твой полк, и с тебя сдеру кожу». Ярость еще больше усилилась, когда князь Ромодановский и Зотов стали защищать Шеина; Петр бросился на них, ударил Зотова по голове, Ромодановского – по руке, так что едва не отсек пальцы; Шеин был бы убит, если б Лефорт не удержал Петра, получив и сам порядочный удар. Все были в ужасе, но молодой фаворит умел успокоить Петра, который потом весело пропировал до утра. Этот молодой фаворит был сержант Преображенского полка Александр Данилович Меншиков, известный в описываемое время больше под именем Алексашки» /17/. Это всего лишь один эпизод из бурной жизни Петра, а их было множество.

Психолог. Эпилептоиды по-настоящему раскрываются в ситуациях, насыщенных агрессией, угрозой для жизни и здоровья (силовое противоборство, экстремальный спорт, сражение). Создается впечатление, что именно тогда они живут по-настоящему, в полную силу. «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю! И в разъяренном океане, средь бурных волн, средь грозной тьмы. И в аравийском урагане. И в дуновении чумы» – не иначе А. С. Пушкин подразумевал эпилептоида.

Автор. 16 июля 1695 года молодой царь (23 года) Петр I во время первого Азовского похода был не просто наблюдателем, а активным участником и получил боевое крещение. Он лично руководил стрельбой из восьми мортир, поставленных в 400 метрах от крепости, а так как атаки шли с обеих сторон, нельзя сказать, что он наблюдал со стороны. Увидев, что основным препятствием для взятия крепости является неприступная башня на противоположном берегу реки, которую уже бомбардировали два дня подряд, он лично принял решение о штурме. Именно здесь проявились смелость и решительность Петра. Он, не побоявшись смертельной опасности, возглавил отряд храбрецов, идя в атаку на башню. Под градом вражеских стрел они, с криками «За царя!» и «За Родину!», ворвались в башню, сметая вражеский гар-

низон. В короткой, но яростной схватке они уничтожили всех защитников, сорвав развевающийся над башней турецкий флаг.

Победа русской армии под Полтавой значительно сакрализована и обросла мифами, в том числе благодаря А. С. Пушкину: «Но близок, близок миг победы. Ура! Мы ломим; гнутся шведы. О славный час! О славный вид!» – однако она подтверждает и полководческий талант Петра, его умение воодушевить армию и его личную храбрость. Его краткая речь перед баталией: «Делайте, братия, так, как я буду делать, и все, помощию Всевышнего, будет добро. За победою, после трудов, воспоследует покой». В военно-исторической публицистике так сухо описывается подвиг царя: в передней линии русской пехоты образовался опасный разрыв боевого порядка: шведы штыковой атакой опрокинули 1-й батальон Новгородского полка, захватили свыше десятка русских орудий, некоторые из них они обратили против противника. Петр вовремя заметил это, взял 2-й батальон Новгородского полка и во главе его бросился в опасное место. Прибытие царя положило конец успехам шведов, и порядок на левом фланге был восстановлен. Во время атаки его шляпу пробила пуля – это реально, но затем легенда превратила это в три пули: в шляпу, седло и нательный крест Петра.

Специфические свойства личности Петра проявлялись и в его любви к оружию. «Любовь Петра к оружию была замечена еще в раннем детстве. Когда исполнилось ему три года и в день рождения придворные принесли ему множество подарков, Петр дрожащими руками вцепился в игрушечные ружье и саблю и крикнул: «Ничего мне не надо, оставьте только это!» Любовь к оружию, к рассказам о баталиях, ко всему, что относилось к войне и армии, сохранилась у него на всю жизнь» /16/.

Психолог. Тех, кто слабее (в его представлении), эпилептоид будет стремиться объединить и возглавить. В этой создаваемой подгруппе он будет чувствовать себя вожаком. Он потребует от «подданных» полного подчинения, лишит их самостоятельности, но, вместе с тем, станет их самоотверженно защищать от нападок враждебных внешних сил. Не из любви к ближнему будет он это делать, а из ненависти к сопернику, посягнувшему на его – эпилептоида – сферу компетенции. По отношению к членам «своей стаи» эпилептоиды авторитарны, деспотичны, требовательны, придирчивы и в то же время покровительственны.

Автор. «Птенцы гнезда Петрова», по образному выражению А. С. Пушкина, – члены той самой «своей стаи» – постоянно испытывали на себе и моральное унижение, и физическое воздействие, в том числе известной царской дубиной. Осталось много воспоминаний современников об оргиях в так называемой «Коллегии пьянства» – «Всешутейшем, всепьянейшем и сумасброднейшем соборе», шутовской «орденской организации», учрежденной царем Петром I для развлечений, питейных увеселений и карнавальных действ. Главная черта – пародирование обрядов католической и православной церквей. «Быть пьяным во все дни и не ложиться трезвым спать никогда» – таков был девиз соборов Петра, а количество участников такой попойки доходило до 200 человек. Отказаться от участия в оргиях было невозможно, а судьба тех, кто пытался это сделать, была незавидной.

«Бывало, ужас пронимал участников и участниц торжества, когда в саду появлялись гвардейцы с ушатами сивухи, запах которой широко разносился по аллеям, причем часовым приказывалось никого не выпускать из сада. Особо назначенные для того майоры гвардии обязаны были потчевать всех за здоровье царя, и счастливым считал себя тот, кому удавалось какими-либо путями ускользнуть из сада» /8/. Царь покровительствовал своим единомышленникам; например, его ближайший друг Франц Лефорт сделал головокружительную военную карьеру, не обладая при этом никакими особенными талантами в полководческом искусстве. Лефорт был принят на военную службу в 1678 г. в чине капитана еще при царе Федоре Алексеевиче (старшем брате Петра I), а при регентше царевне Софии и Петре I:

1683 – майор и в этом же году подполковник;

1687 – полковник, после неудачного первого Крымского похода;

1690 – генерал майор (познакомился с Петром Первым I в 1689 г.) по случаю рождения у Царя первенца Царевича Алексея Петровича;

1691 – генерал-лейтенант;

1693 – полный генерал;

1695 – адмирал русского флота (его прозвали адмиралом без флота). По возвращению из Азовского похода Петр назначил Лефорта адмиралом русского флота и «вследствие желания Петра, 3 декабря 1695 г., в доме Лефорта весело отпраздновали возвращение армии из-под Азова».

Таковы итоги деятельности Лефорта под покровительством царя в качестве военачальника: за пятнадцать лет беспорочной службы – от капитана до полного генерала – при участии в двух провальных Крымских походах.

За свое покровительство вожак (царь) требовал от стаи беспрекословного подчинения; по сути, действовала круговая порука. Известна история с так называемым судом над царевичем Алексеем Петровичем: обвинительное решение было вынесено, когда сына царя еще продолжали пытать. Соловьев приводит список подписантов этого документа: «Подписали: князь Меншиков, граф Апраксин (генерал-адмирал), граф Головкин (канцлер), князь Яков Долгорукий, граф Мусин-Пушкин, Тихон Стрешнев, граф Петр Апраксин (сенатор), Петр Шафиров, Петр Толстой, князь Дмитрий Голицын, генерал Адам Вейде, генерал Иван Бутурлин, граф Андрей Матвеев, князь Петр Голицын (сенатор), Михайла Самарин (сенатор), генерал Григорий Чернышев, генерал Иван Головин, генерал, князь Петр Голицын, ближний стольник князь Иван Ромодановский, боярин Алексей Салтыков, князь Матвей Гагарин (сибирский губернатор), боярин Петр Бутурлин, Кирилла Нарышкин (московский губернатор) и еще сто три человека менее высоких чинов» /17/. Всего 126 человек, и был один диссидент – Яков Вилимович Брюс, отказавшийся голосовать, но, учитывая его репутацию одного из образованнейших сподвижников Петра, обошлось без последствий.

Впрочем, видимо, для своей совести подписанты оставили маленькую лазейку: «…подвергая, впрочем, сей наш приговор и осуждение в самодержавную власть, волю и милосердое рассмотрение его царского величества всемилостивейшего монарха» /17/, т. е. оставили окончательное решение вопроса на усмотрение царя. Он и решил: сын умер под ударами кнута.

Психолог. К свойствам эпилептоидного радикала относятся также смелость, решительность (не столько в социальном, сколько в физическом смысле). Кроме того, как мы говорили выше, смелое, с риском для собственной жизни поведение дает эпилептоидам сладостную возможность пережить эмоциональный подъем.

Автор. В те времена серьезную опасность для жизни представляли наводнения и пожары. «Наводнения происходили почти ежегодно. В письме от 11 сентября 1706 года Петр I писал Екатерине, что вода у него в хоромах была выше уровня пола на 21 дюйм (то есть более полуметра), а по городу обыватели свободно «ездили» на лодках: «И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям будто во время потопа сидели… не точию мужики, но и бабы». Самым сильным было наводнение 1715 года, когда, по словам очевидца, «были снесены почти все мосты и фольварки и можно было на судах ездить по улицам и вокруг домов»» /14/.

«Дневник голштинского камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца, ставшего в 1721 году свидетелем наводнений 5, 10, 11 и 12 ноября, донес до нас яркие картины стихийного бедствия: «вода вдруг с необыкновенною силою стала проникать в улицы и дома»; барку в канале «совершенно затопило»; другие суда были сорваны с якорей и унесены бурными волнами в море. Слуга царского генерал-адъютанта Александра Ивановича Румянцева утонул, пытаясь спасти принадлежавшее хозяину судно. Погреба в домах были полностью залиты водой, что неизбежно вело к порче основной части продовольственных припасов и другого имущества; в полуподвальных этажах вода подняла полы; на самом низком Петербургском

острове дома были затоплены по окна. Вдобавок ко всему «ветер был так силен, что срывал черепицы с крыш». В первый день наводнения императрица была обеспокоена долгим отсутствием супруга и послала на его поиски трех курьеров, один из которых утонул на Длинной аллее (нынешнем Невском проспекте). К счастью, государь через несколько часов вернулся во дворец невредимым; зная его энергичную натуру, можно не сомневаться, что все это время он руководил спасательными работами» **/14/**.

«Петр I принимал в борьбе с огнем самое активное участие. «Мне нередко приходилось видеть, – рассказывал Юст Юль, – как он первым являлся на пожар, привозя в своих санях маленькую пожарную трубу. Он сам принимает участие во всех действиях, прилагая руку ко всему, и так как относительно всего обладает необыкновенным пониманием, то видит сразу, как надо взяться за дело, отдает сообразные приказания, сам лезет на самые опасные места, на крыши домов, побуждает как знатных, так и простолюдинов тушить огонь и сам не отступится, пока пожар не будет прекращен. Этим царь часто предупреждает большие бедствия». В ночь на 13 января 1724 года Петр I тушил объятый пламенем двор в Морской слободе, а 28 октября – дом на Васильевском острове. Берхгольц отметил в своем дневнике: «28-го, вечером, когда император был у генерал-лейтенанта Ягужинского, на Васильевском острове произошел пожар. Его величество тотчас отправился туда и потом, когда огонь потушили, воротился опять к Ягужинскому»» **/14/**.

Последний эмоциональный подъем с риском для жизни Петр Алексеевич пережил в конце 1724 года. Петр, уже сильно болевший, отправился на Ладожский канал. Он строился по задумке императора, который еще в 1718 году констатировал, что на Ладожском озере «великий убыток чинится от худых судов» и что «одним сим летом с тысячу судов пропало». Лейб-медик Лаврентий Блюментрост настаивал, чтобы царь не совершал это путешествие, но остановить Петра было невозможно. Считая себя совершенно здоровым, он предпринял морское путешествие в Шлиссельбург и Лахту. Принимая участие в спасении солдат и матросов с севшего на мель у Лахты бота, он сильно простудился. Согласно рапорту личного врача императора, доктора медицины Л. Л. Блюментроста, при лечении простуды, полученной при спасении в ноябре 1724 г. тонувших в Финском заливе у Лахты солдат, применялось втирание горячего гусиного сала с тертым чесноком в обе половины грудной клетки, а от «ломоты в затылке накануне непогоды» – прикладывание пиявок; также был назначен сок облепихи и шиповника /18/. Он усугубил свое состояние: присутствуя в сильный мороз 6 января 1725 г. на церемонии Крещения, он простудился еще больше, и 16 января его состояние стало безнадежным. В этот же день наступило ухудшение, появился сильный озноб, царь слег в постель. По выражению историка Е. Ф. Шмурло, «смерть простучала в царские двери» /18/.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.